

КАТЕГОРИИ КАК ИНВАРИАНТНАЯ ОСНОВА МЫШЛЕНИЯ

Чернякова Н.С. ©

Доктор философских наук, профессор
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Аннотация

В статье утверждается, что содержание универсальных категорий мышления вплетено в контекст социокультурного бытия и не является результатом произвольного теоретического синтеза.

Ключевые слова: универсальные категории, обыденное мышление, теоретическое мышление, социокультурное бытие.

Keywords: universal categories, ordinary thinking, theoretical thinking, socio-cultural Being.

Несмотря на то, что анализ содержания категорий мышления всегда был и всегда будет одной из основных задач философского познания, социокультурное бытие создает время от времени особые конкретно-исторические поводы для обращения к универсальным основам человеческой жизнедеятельности.

Эти поводы возникают, как правило, в периоды войн, революций, экономических и политических кризисов, когда социальные преобразования затрагивают общество в целом и жизни большинства людей. Именно в такие периоды представления об изменчивости, текучести и новизне как основных чертах социокультурного бытия начинают доминировать в общественном сознании, а устойчивость, стабильность и универсальность воспринимаются как «исчезающая реальность», удержание или возврат к которой в жизни человека невозможны.

Подобное умонастроение посещает человечество с таким неотвратимым постоянством, что должно было бы восприниматься как опровергающее само себя. Однако – не воспринимается, потому что сам факт абсолютизации изменчивости мира неизменно сопровождается забвением неразрывной связи между универсальными определениями бытия. А это значит, что возникает очередной культурно-исторический повод обратиться к анализу природы и функций категорий мышления.

Существование категорий обусловлено не особенностями того или иного предмета познания, а спецификой самой мыслительной деятельности и более того – спецификой человеческого способа жизнедеятельности, неотъемлемой чертой которого мышление является. Универсальные категории «возникают и развиваются на протяжении всей истории познания как особые абстракции, фиксирующие всеобщие существенные определенности бытия, его универсальные формы, которые становятся и всеобщими формами мышления, теоретического постижения бытия» [2,с.247]. Как подчеркивает С.Б.Крымский, «категории это не только общие понятия, но и формы процесса понимания, и определенный язык, концептуальная система формулирования познавательных проблем, форма синтеза знания и способ членения его предметного содержания» [3,с.199]. Можно сказать, что с гносеологической точки зрения категории представляют собой «своеобразные концептуальные ниши с бесконечной информационной емкостью» [4, с.13], которая обеспечивает возможность познания и определения бесконечного числа частных случаев через содержание универсальных категорий мышления.

В «чистом», отрелексированном виде категории существуют лишь на уровне теоретического сознания, в сфере специализированного духовного производства. Их познание и определение является специфической задачей философии и теоретических

разделов религии, искусства, морали, в той мере в какой речь идет о познании категорий, выражающих конечные цели-смыслы человеческого существования.

Однако ошибочно полагать, как это делает Р.Рорти, что в обыденном и теоретическом сознании существуют различные понятия истины, блага, красоты и т.п. [См.: 6, с.226-228]. Тот факт, что обыденное сознание не рефлексивирует по поводу содержания категорий, не означает, что оно не оперирует этими категориальными формами. Если бы, как пишет С.А.Васильев, причинная связь между действием человека и результатом, к которому оно приводит, никак не была зафиксирована в обыденном сознании человека, то сама эта деятельность вряд ли была бы возможна. «Но эта фиксация может быть различна. Способность мыслить причинным образом еще не предполагает понятия причинности. Многочисленные исследования языков и культуры некоторых племен – австралийцев, папуасов, американских индейцев, аборигенов Сибири – не обнаружили у них слова, выражающего общее понятие причинности. Но можно ли из указанного факта делать вывод, что у них еще нет категории причинности, что их мышление не категориально? Очевидно, нет. Ведь если категории – это формы мышления, то отсутствие категории причинности означало бы, что человек не может устанавливать в своем мышлении причинно-следственную форму связи между различными явлениями» [1, с.89].

Категории мышления не созданы философией, но выступают лишь предметом философского анализа. Иными словами, категории являются «философскими» не потому, что принадлежат философии, а потому, что философия делает их предметом специального теоретического анализа. Однако принадлежат категории человеческого мышлению как таковому и, в отличие от понятий частных наук, реально присутствуют в обыденном сознании любого человека.

Если научные понятия формируются только на уровне теоретического сознания и обозначающие их термины вводятся в научные теории специальными определениями, то с универсальными категориями мышления дело обстоит в принципе иначе.

Еще в начале XX в., исследуя содержание понятия «добро», Дж.Мур пришел к выводу, что понятие «добро» принадлежит к тем «бесчисленным объектам мышления которые сами не поддаются дефиниции, потому что являются неразложимыми крайними терминами, ссыла на которые и *лежит* в основе всякой дефиниции» [5, с.67]. Однако существенным и эвристически значимым в идеях Мура был не столько сам тезис о неопределимости понятия «добро», сколько то направление мысли, в рамках которого этот тезис был сформулирован и которое указывало на произвольность, неконвенциональность, предзаданность содержания данного термина любым рассуждениям и дефинициям. Двигаясь в этом направлении, мы и сегодня открываем путь к пониманию особенностей определения универсальных категорий мышления, содержание которых вплетено в контекст человеческого бытия и не является результатом произвольного теоретического синтеза.

Ту особенность понятия «добро», которую Мур считал принципиальной «неопределимостью», точнее было бы назвать принципиальной *неконвенциональностью* и *интуитивной ясностью значения*, закрепленного за всеми универсальными категориями мышления в естественных языках. Эта особенность универсальных категорий мышления обусловлена тем, что их содержание формируется в процессе исторического развития человеческой жизнедеятельности и выражает собою единство фундаментальных основ социокультурного способа освоения мира.

Принципиальное отличие слов естественных языков, обозначающих универсальные категории мышления, от всех иных слов и терминов состоит в том, что значения этих слов определены самим способом человеческого бытия, инвариантным по отношению к любым культурно-историческим различиям и видам деятельности, в силу чего мы не можем ввести в сознание *никакие иные* значения данных терминов. Другими словами, мы «не можем стать в позицию метанаблюдателя по отношению к своему собственному (в родовом смысле) интеллекту и способам его «вхождения» в мир» [4, с.13].

Инвариантность значений терминов, обозначающих в различных естественных языках категории «причина», «следствие», «необходимость», «случайность», «добро», «красота», «истина» и т.д., обеспечивается не соглашением или договором между людьми, а универсальными закономерностями человеческого существования, в процессе которого формируется категориальная структура мышления. Поскольку эти значения сформированы в процессе человеческого бытия и не являются результатом конвенции, они не могут стать объектом произвольных теоретических манипуляций. А это значит, что *теоретические определения универсальных категорий могут быть только аналитическими*, т.е. такими, которые эксплицируют в своих формулировках значения этих терминов, существующие в естественных языках.

Говоря о различных «концепциях» необходимости, случайности, истины, добра, красоты и т.п., мы имеем в виду фактически различные критерии, с помощью которых можем верифицировать отдельные утверждения как истинные, вещи – как прекрасные, а дела и поступки – как добрые. Но даже если кто-то посчитает необходимым то, что другие считают случайным, и назовет истинным, добрым и прекрасным то, что, по мнению окружающих, является воплощением зла, уродства и лжи, логические основания оценки будут одними и теми же: необходимость, случайность, истина, добро, красота и т.д., – ибо именно в этих категориях выражены универсальные характеристики бытия и фундаментальные цели-смыслы человеческой культуры.

Все категории, в том числе и те, которые отображают конечные цели-смыслы человеческой жизнедеятельности – «истина», «добро» и «красота», определены лишь как формы мыслительной деятельности. Однако эти формы не определяют способов своего применения или реального воплощения, что и порождает саму возможность расхождения в оценках по категориальным (в том числе – и ценностным) основаниям и практически бесконечное многообразие конкретно-исторических интерпретаций как содержания универсальных категорий, так и форм воплощения фундаментальных ценностей культуры [См.: 7].

Если бы эта онтологическая неопределенность отсутствовала и сущность того, о чем сказываются категории, не только усматривалась бы в созерцании как самоочевидная, но как самоочевидная и воплощалась бы в явлениях действительности и практической деятельности человека, то процесса познания, расхождения в оценках и многообразия культурно-исторических форм применения категорий и воплощения ценностей просто не могло бы существовать. Все категории имели бы самоочевидное применение, а те из них, которые отображают ценности, нашли бы раз и навсегда самоочевидное воплощение.

Между тем, мышление оперирует категориями как мыслительными формами, соразмерными лишь бесконечному многообразию Бытия. Именно бесконечная информационная емкость, избыточная по отношению к каждой конкретной жизненной ситуации, поступку или произведению человеческой деятельности, превращает категории в инвариантную основу мышления как такового, несоизмеримую с сиюминутными деяниями человека по степени устойчивости и универсальности.

Априорность категорий мышления означает, что содержание категорий мышления не зависит от преходящего характера познаваемой реальности и самого познавательного процесса, поскольку в них зафиксировано знание универсальных определений любого объекта, предшествующее его конкретно-научному, экспериментальному (опытному) познанию. Какова бы ни была степень изменчивости, текучести всего сущего, категориальные формы мышления сохраняют устойчивость и определенность именно потому, что являются формами организации чувственно воспринимаемого в сознании познающего субъекта. Именно поэтому никакое исследование не может считаться научным и не может привести к получению знания, если субъект познания не различает явление и сущность, причину и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, содержание и форму, качество и количество и т.д.

В эпоху развития информационных технологий особенно важно понимать, что информационные шумы – это еще далеко не знание, а в самом знании необходимо различать существенное и несущественное. Иллюзия непрерывного обновления системы научного знания и социокультурного бытия в целом возникает только тогда, когда субъект познания не обладает знанием законов развития ни бытия, ни мышления и когда деформируется сама категориальная структура мышления.

Происходит это потому, что потребление информации, не включенное в процесс повседневной предметно-практической деятельности людей по освоению окружающей природной и социокультурной среды, не может стать основой формирования категориальной структуры мышления. Виртуальное общение и бесчисленное множество знаково-символических продуктов культуры, опосредующих связь личности с теми объектами природной и социокультурной реальности, которые являются действительными, а не мнимыми средствами удовлетворения ее материальных и духовных потребностей, становятся опасными преградами на пути формирования базисного, категориального уровня мышления молодого поколения.

Между тем, понимание природы и функций категорий мышления дает возможность не только успешно действовать в реальном мире, но и создавать теоретико-методологическую основу конкретно-научного анализа любого объекта, опираясь на зафиксированное в содержании категорий знание наиболее существенных и фундаментальных характеристик всех видов сущего.

Литература

1. Васильев, С.А. Категории мышления и языковые структуры [Текст]/ С.А.Васильев.//Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. — Киев: Наукова думка, 1977.— С.88-118.
2. Готт, В.С., Землянский, Ф.М. Диалектика развития понятийной формы мышления [Текст]/В.С. Готт, Ф.М. Землянский. — М.: Высш. школа,1981. —319 с.
3. Крымский, С.Б. Системы знания и проблема их категориальной определенности [Текст]/С.Б.Крымский. // Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. — Киев: Наукова думка, 1977. — С.196-225.
4. Марков, В.А. Феномен случайности: Методологический анализ [Текст]/ В.А.Марков. — Рига: Зинатне, 1988. — 232 с.
5. Мур Дж. Принципы этики [Текст]/ Дж. Мур: Пер. с англ./ Пер. Коноваловой Л.В.; Общ. ред. Нарского И.С.; Вступ. статья Нарского И.С. и Коноваловой Л.В. — М.: Прогресс, 1984. — 328 с.
6. Рорти, Р. Философия и зеркало природы [Текст]/ Р.Рорти: Пер. с англ. / Пер. Целищева В.В. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. — 320 с.
7. Чернякова, Н.С. Содержание и смысл категории «истина» [Текст]/ Н.С.Чернякова. — Спб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2006. — 244 с.